

УДК 256 (571.56)

К ГЕНЕЗИСУ ОБЫЧАЯ ПОГРЕБЕНИЯ С КОНЕМ У НАРОДА САХА В СВЕТЕ КУЛЬТУРНОГО «ПОГРАНИЧЬЯ» ТЮРКСКОГО МИРА

© В.Е. Васильев

До настоящего времени в ряде местностей Якутии сохранился обряд подвешивания на дереве возле захоронения человека головы и копыт коня. По представлениям саха, на принесенном в жертву коне умерший отправляется в загробный мир. Первоначально с умершим погребали тушу одного или нескольких убитых коней. В дальнейшем её стали заменять шкурой с головой и ногами или только головой и копытами животного. Этот обычай имеет давнее происхождение и свидетельствует о культурных связях саха с древним населением Южной Сибири.

Илл. 3. Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: саха, погребальный обряд, жертвенные лошади кэрэх, культ родового дерева, культ умирающего и воскресающего зверя.

FUNERARY PRACTICE WITH A HORSE AMONG SAKHA PEOPLE

V.E. Vasil'ev

One of the funerary rites in some regions of Yakutia is to hang the skin of a horse, with its head and hooves still attached to it, on a tree near a human grave. This sacrificed horse, based on the Yakutia beliefs, is used by the deceased person to enter the other world by acting as his or her vehicle. At first, the complete body of one or several horses were buried along with the dead person. Later, this sacrifice practice change to hanging in a nearby tree just the skin of the horse with head and hooves attached to it. This funeral practice has an ancient origin and indicates some cultural links between the Sakha (Yakuts) and ancient populations of Southern Siberia.

3 figures. 20 sources.

Key words: Sakha, funeral ritual, sacrificial horses kerekh, cult of patrimonial tree, cult of dying and arising animal.

Начиная с 1930-х гг. до современности, на территории Якутии погребальные комплексы с конем изучали И.Д. Новгородов, С.И. Боло, И.В. Константинов, Ф.Ф. Васильев, А.И. Гоголев, Р.И. Бравина, В.В. Попов и др. Археологи отмечают существование у народа саха трех основных типов обряда погребения сопроводительных коней: грунтовое, наземное и воздушное. В свою очередь, они имеют локальные варианты. Так, грунтовые могильники останков коней бывают в отдельных ямах, вместе с покойником или в специальном подбое; различаются они и по количеству костяков, и способу анатомирования или кремации.

Воздушные захоронения лошадей тоже варьируют: они представлены арангасными

могилами на помостах с цельными трупами, останками в виде черепов, копыт и шкур, направленными на запад или юг. Сведения о захоронениях с конем существуют в источниках XVII–XVIII вв. и подтверждены археологическими памятниками XV–XIX вв. Факты воздушного погребения священных лошадей были отмечены вплоть до 1928 г. [Попов, Бравина, 2009, с. 3–5, 10–11].

А.И. Гоголев связывает западную ветвь предков саха с кыпчаками (половцами), в захоронениях которых остовы или чучела коней ориентированы головами на запад. В качестве параллелей профессор приводит ряд признаков: наличие каменных статуй или коновязей с восточной стороны моги-

лы, обычай погребения с уздечкой, а также восточное направление «входа» в могильник. Все эти признаки связывают саха со скифами Причерноморья, саками Казахстана, юечжами Алтая и современными казахами, монголами, бурятами и т. д. [Гоголев, 1993, с. 18, 42, 124–125].

В результате двух поездок в Среднеколымский улус в апреле и августе 2009 г. нами было обнаружено на окраине с. Алеко-Кюёл место массового хранения останков коней. Краткое сообщение об этом мы опубликовали в журнале «Наука из первых рук» [Васильев, 2010, с. 111]. Надо заметить, что современные материалы о подобном обычае слабо освещены, остаются неизученными местные различия и ареал распространения в разных уголках республики. Отсюда вытекает актуальность поиска новых данных для создания общей картины культурного «пограничья» тюркского мира на примере ярких комплексов, каковыми и являются ритуальные обращения с конем.

Для начала определим, что означает понятие «погребение с конем», и чем оно отличается от жертвоприношения *кэрэх*. Сложность вопроса заключается в том, что шаманские обряды *кэрэх* часто совершались отдельно от погребального обряда и не были конкретно связаны с поминальным ритуалом, но в отдельных случаях они совмещались, образуя одно целое. В археологии известно, что мясо сопроводительных лошадей часто оказывается съеденным, так что от них частично сохраняются кости. По наличию в похоронном комплексе костра, угля и столба *сэргэ* можно уверенно говорить о том, что погребальные преследовали две цели: угощали всех мясом убитой скотины, а основные кости и шкуру коня символически «отдавали» покойнику для будущего использования в загробном мире.

Первая часть в виде причащения мясом всех сородичей сопровождалась обрядом призывания духов предков и окуривания фетишей дымом ритуального костра. Значит, еще до «поднятия костей» покойника духи предков присутствовали на похоронах и наделялись мясом коня. Эти духи, вознесшись обратно на небо, уносили с собой душу усопшего. Логически поминальная тризна и полет покойника верхом на остове

коня образуют две части одного действия. Иными словами, поминальный конь выступает как частичная жертва, через которую он приобщается к представителям иного мира. Все это должно было отражаться в камлании шамана у могилы.

В погребальный комплекс относятся останки лошадей, души которых сопровождают хозяев на том свете и служат в качестве ездового животного. В тип воздушного захоронения входят черепа и копыта коней, иногда с цельными шкурами и хвостами, повешенные около могил, или поблизости от кладбища, где имеются старые деревья. Эти этнографические объекты символизируют собой Мировое древо, по стволу которого душа покойника вместе с конем возносится в Верхний мир. Более усложненным вариантом образа священного дерева являются коновязи и помосты на столбах. Однако не все *арангасы* относятся к погребальному обряду. Существуют, например, охотничьи лабазы для хранения мяса лесной дичи, на бытовую принадлежность которых указывают якутские глаголы *харангаччылаа-/арангаччылаа-* «защищать, оберегать».

Лабазы использовались и в обрядах жертвоприношений. Приведем примеры. В старину около Якутска один промысловик обнаружил *арангас*, к которому была привязана семилетняя девочка-сирота. Она просидела там три дня. Охотник раскрыл *арангас* и увидел внутри гроба шкуру рыжей лошади с белой головой вместе с копытами и вложенными сердцем и печенью. Девочку принесли в жертву духам по случаю болезни влиятельного богача [Саввин, 1938, л. 41]. Духом-хозяином и творцом рыжих лошадей являлся грозный Улуу Тойон. Возможно, именно ему предназначались рабыня-сирота и лошадь белоголовой масти. Но этот случай кровавого жертвоприношения верхним духам нельзя считать погребальным комплексом, т. к. сам виновник устройства обряда таким способом искупил себе жизнь.

Известна легенда о том, что Чоочо баай, намереваясь стать «якутским царем», прямо подчиненным русскому царю, заставил камлать молодого шамана Тэппээк ойууна. Для собравшегося народа Чоочо

приказал зарезать 14 кобыл, 14 коров и устроить *ыһыах*. По замыслу богача, его брат должен был камлать в течение семи ночей на разных полянах, а в последнем *аласе* он должен был исполнить заключительную мистерию из семи ночей. При восходе солнца великий шаман Тэппээк (в миру Михаил Слепцов), имевший огромный бубен с двенадцатью рогами, должен был отдать душу деве-богине Кыыс тангара, и его намеревались там же закопать в свежей яме и поставить крест. Между камланиями шаман отдыхал и спал на лавке *орон* из семи очищенных лиственниц [Предания, легенды и мифы саха..., 1995, с. 146–147, 152–153]. В этом обряде были использованы числа лунного календаря. Поэтому логично предположить, что светлый шаман должен был стать «ангелом» девы-богини в день полнолуния.

Любопытно, что в ином варианте легенды вместо лавки шамана в качестве сидения выступает *арангас* из березовых столбов. И в этом случае он не входит в комплекс погребения, ибо для парня приготовили отдельную яму и крест. Таким образом, в первом предании *арангас* заменил жертвенное дерево *куочай кэрэх*. Это вполне объяснимо: дело происходило в тайге поблизости от города, где камлания были запрещены. Опасаясь наказания, девочку оставили привязанной к гробу со шкурой коня, тем самым обрекли ее на верную смерть. Во втором рассказе крещеный шаман сам должен был принести себя в жертву духам. Однако *арангас* служили ему только как ложе и место для камлания. Здесь же юноша совершил согрешение с младшей женой брата, и таким путем избавился от представления богине. По сути, весь обряд с устройством *ыһыаха* был замаскированной и красиво обставленной формой человеческого жертвоприношения *кэрэх*.

Стрелка *куочай* представляла перекладину длиною около двух метров, острие которой указывает на дорогу жертвы [Пекарский, 1959, т. I, стб. 1237]. По данным А.А. Саввина, *куочай кэрэх* состоял из одной длинной палки *балык мас* («деревянная рыба»), которую устанавливали на развилке лиственницы. В число шаманских

атрибутов входили *хоолдьуга кэрэх* и *тюлэһи кэрэх*. Мясом конины *хоолдьуга* угощали людей, копавших яму. После похорон шкуру *хоолдьуга кэрэх* вешали около могилы, направляя голову коня на западную страну смерти. В качестве *тюлэһи кэрэх* в случае смерти человека использовали рыжего коня с белой головой и ногами, подобными березовым кольям. Далее этнограф из уст стариков сообщает, что жертвы *кэрэх* прекратились сто лет назад [Саввин, 1937–1941, л. 6–8]. Видимо, останки рыжего коня внутри *арангаса* являлись свидетельством устройства «тризны», и вместо шкуры коня в гробу должна была лежать девочка, которую случайно спас охотник.

Слово *тюлэһэ* означает «вареное мясо на поминках», «последняя заветная пища (перед смертью)», а *хайлыга ат* – «поминальная лошадь, которую забивают после смерти человека» [Пекарский, 1959, т. III, стб. 2888, 3436–3437]. Первая жертва предназначалась для самого умирающего еще в прижизненной тризне, а вторая – как транспортное средство для его духа на том свете. В эпосе олонхо светлая шаманка Кюн Толомон Ньургустай удаган, ожидая свою скорую кончину, устраивает прощальный пир *ыһыах*. При этом она угощает духов земли и огня кумысом и восьми ребрами восьмитравой кобылицы [Строптивый Кулун Куллустуур, 1985, с. 122–125, 391–394].

Безусловно, кобыла дарилась духам земли и очага как пища *тюлэһэ*, и ее душа должна была остаться в пределах Среднего мира. Саха не седлали кобыл и для верховой езды использовали меринов *ат*. В этой связи *хайлыга* интересно сопоставить со словом *холдьут* «известитель, посланец, гонец» [Пекарский, 1959, т. III, с. 3469]. Известно, что скифы вместе с царем в числе прочих слуг, наложниц и коней хоронили и вестника [Геродот, 2004, с. 233]. Видимо, чучело коня *хоолдьуга* в Верхнем мире обретало целостный вид и служило вестником доброго отношения земных людей к духам предков.

Для определения направления дорог лошадей, отданных духам земли и неба, можно обратиться к карте Я.И. Линденау.

Согласно его схеме на востоке имеют престолы божества Сюгэ Тойон, Аар Тойон и Юрюнг Айыы Тойон; на юго-востоке пребывают Хомпоруун Хотой и Дьесюгей; на юге обитает Барылаах – Баай Байанай; на юго-западе живет Сир иччитэ – дух земли; на западе и севере находится страна Адбарая; на северо-востоке живет семейство Ынахсыт тангара [Линданау, 1983, с. 42–44]. Здесь автор не указал северо-запад, где находилась страна смерти *Ол дайды*. При этом локус духа-хозяйки земли, ассоциирующийся с могилой, он расположил рядом с царством Адбарая. Значит, головы лошадей *хоолдуга кэрэх* и *тюлэни кэрэх* могли иметь почти одинаковую ориентировку на запад, но с некоторыми смещениями на юг или север.

В работе Я.И. Линданау существуют любопытные сведения. Жертву *кэрэх* саха приносили во время праздника *ыһыах*, забивая различного рода скотину. Весною, после праздника, они хоронили людей, умерших зимой. Гроб *корчак* грузили на сани, запряженные быком, за гробом несли личные вещи покойного, а также двух-трех лучших верховых коней в полном убранстве. В могилу с усопшим опускали вещи и коня, а других лошадей хоронили в отдельных ямах. По углам насыпи втыкали шести с идолами воронов, которые сопровождали покойного. После этого закалывали кобыл, вырывая им сердце. Мясо варили или жарили, а шкуры вешали на деревья. Через неделю родственники вновь собирались и приводили несколько кобыл. Над могильным бугром устанавливали навес, а кобыл закалывали и съедали. С двух сторон навеса по количеству закопанных и съеденных лошадей ставили длинные шести. Через год богатые устраивали поминки. Все трижды объезжали вокруг могилы против солнца. Затем они закалывали кобыл, которых тут же съедали. Головы и кости кобыл вешали на дерево [Указ. соч., с. 40, 41–42].

Ученый уловил моменты, которые очень важны для нас: праздник *ыһыах* имел прямую связь с погребальным обрядом, и жертвы *кэрэх* приносились в обоих обрядах. Во время похорон духи предков являлись в облике воронов. Черный ворон считался сыном Улуу Тойона, которому

жертвовали рыжую лошадь с белой головой и белыми ногами. В световой символике красный цвет бога-отца ассоциируется с огнем погребального костра, а вороной – цвет его сына – с дымом и углем, засыпаемым в могильную яму. Я.И. Линданау включил в гимн обряда *ыһыах* Ворона – тотема рода Хоро. Следовательно, Улуу Тойон вполне мог быть покровителем шаманов, имевших хоринские «корни».

Зарытые лошади относились к категории *хайлыга ат* и подразделялись на ездового, запасного и вьючного коней, которые заранее готовились для дальнего пути. Кобылы, съеденные у могилы в день похорон, поминок на седьмой день и в годовщину после похорон, являлись угощениями для всех живых и умерших сородичей. По обычаю предков, кости и шкуры кобыл почетно хранились на деревьях, чтобы их не растаскали звери и птицы.

Возможно, во время *ыһыаха* саха направляли головы жертв на восток с надеждой на то, что они вернуться обратно. Верхние творцы содержали табуны лошадей, души которых они дарили людям. В 1990 г. по счастливой случайности я оказался на летнике *сайылык* И.Д. Избекова. Он был знатоком старины Мегино-Кангаласского улуса, и во дворе летника был развернут комплекс из коновязей, в центре которого стояло дерево *кэрэх*. Старик рассказал нам, что древние коновязи были невысокими, чтобы не вызывать гнев творцов. И вдоль перекладки маленьких коновязей *тюсюлгэ* втыкали длинные березовые шести *уһаайах* с очищенными снизу ветвями по количеству съеденных на *ыһыахе* лошадей. Здесь низкорослые коновязи *тюсюлгэ* удивительно напоминают навес могилы. Только в мифах о первом *ыһыахе* над коновязями кружились стаи белых чаек, а на похоронах над могилой летали черные вороны.

В мифологии саха мы встречаемся вроде с явным противоречием: страна смерти находится на западе, и жители Нижнего мира содержат рогатый скот. Тем не менее, покойник едет туда с конем. Противоречиво название стрелки жертвы *кэрэх* – *балык мас* («рыба-дерево»). Это говорит о том, что покойник с конем должен был плыть

вниз по воде смерти. Чтобы сгладить это противоречие, сказители сочинили миф о первом обряде *ыһыах*. Эллэй благословляет божеств, и во время его *алгыса* из кубка с кумысом наяву вылетают белые лошадки, головы которых были посажены наоборот. Увидев это, Эллэй сказал, что они вернутся через три дня [Предания, легенды и мифы саха..., с. 46–47].

Согласно многим вариантам мифа, там же патриарх Омогой принял свою смерть. Следовательно, лошади, вознесшиеся к восточным творцам, были душами жертвенных коней, головы которых во время тризны Омогоя могли направить в сторону заката солнца. Здесь прослеживается аналогия с позой умершего человека, ноги которого указывают на восток, а голова – на запад. Двуликость жертв подчеркивается и тем, что во время *ыһыаха* над Омогоем кружились черно-белые (*пёстрые*) птицы. Они бесспорно связаны с пегими лошадьми *ала ат*, приносимыми в жертву во время похорон и *ыһыаха*.

Миф намекает на существование двух видов кровавых приношений, отправляемых на восток и запад. Данный вывод подтверждается материалом С.И. Боло, записавшим из уст среднеколымского сказителя Н.С. Гуляева уникальное сведение: «Во время *Айыы ысыага* ставят *кэрэх* – перекладину *куонньар мас* устанавливают по линии восток–запад и вешают шкуру коня головой на восток. Для духа *абааһы* посвящают коня, тогда вешают *кэрэх* головой на запад» [Боло, 1940, л. 37]. Возможно, эти сведенья отражают поверье о том, что три души умерших распадаются и уходят в разные стороны: «земля-душа» спускается под землю (запад), «мать-душа» улетает к творцам (восток), а «воздух-душа» растворяется в воздухе.

Третья душа связана с памятью о шаманах. Их *салгын кут*, смотря по призванию, воспитывалась в гнездах деревьев, растущих в верхнем, среднем и нижнем мирах. При этом «воздух-душа» нижнего шамана воспитывалась у северных старух, превратившись в ворона. Душа *ийэ кут* превращалась в «мать-зверя», а *буор кут* плавала как рыба в «воде болезней». Эта запруда, сделанная из трупов семи деву-

шек, семи юношей и семи единиц скота, кишела рыбами – «земля-душами» шаманов [Попов, 2006, с. 32–34]. Все эти элементы мифологии выявляются на похоронах: духи смерти в образе воронов, рыба-дерево и тотем в облике *пегой лошади* на жертвенном дереве.

В этом свете нужно подчеркнуть, что сложные варианты погребального обряда могли возникнуть под влиянием шаманской практики и мифологии. С тремя душами человека связаны три основные стихии: вода, земля и воздух. Соединение стихий рождает различных существ с чертами грифона, кентавра, дракона и др. Скорее всего, дерево как основной атрибут в совершении похорон является первичным. Неслучайно саха верили, что души усопших шаманов оставались в Среднем мире, переселяясь в родовое дерево для будущих перерождений. После девятого перерождения духи сильных шаманов окончательно улетали в страну небытия *дьабын*. Таким образом, предтечей захоронений в грунтовых ямах можно считать древнейший обычай складирования костей почитаемых птиц и зверей на ветвях деревьев.

В этом свете дух-вестник с ликом полуптицы-полуконя лучше всех выступает в роли посредника. В 1935 г. вблизи местности Ханчы С.И. Боло раскопал могилу воина в полном облачении: с медным шлемом, медными пластинами на груди и плечах, боевым луком, стрелами с гранеными бронбойными наконечниками. По словам И.К. Неустроева (1926–2006 гг.), на тени их дома стояли сани с гробом. Внутри гроба лежал покойник, на его голову был надет глиняный горшок, а на груди лежал скелет хищной птицы (сокола?) с распростертыми крыльями. Старики связывали эту находку с легендой о том, что в старину на род Сулгаччы напали дьохсогонцы из Таатты, чтобы добыть себе невест. Местные жители после разгрома разбрелись до Вилюя [ПИМА, 2005].

Птица должна была доставить душу погибшего воина в Верхний мир. Но внутри колоды она могла превратиться в «крылатую рыбу». Такие поверья были присущи далеким предкам тюрков. О чем свидетельствуют курганы Пазырыка и Береля, где

погребенные с вожжами саков кони были оседланы коврами, украшенными снизу изображениями рыб. Очевидно, процесс раздвоения души претерпевали и боевые кони усопших: «земля-душа» уходила на запад, а «мать-душа» возносилась на восток. Характерно то, что домашний скот, по воззрениям саха, обладал только двумя душами и не имел воздушной души [Попов, 1949, с. 303].

После запрета кровавых жертвоприношений крещеные инородцы вместо установки целых чучел около могилы стали вывешивать лишь головы и копыта коней и называть их *хоолдуга*. Так, вилюйские якуты сначала седлали лошадь и немного проезжали на ней, а затем ставили лицом к западу и, не снимая седла, забивали. Отрезанную голову обращали к западу. После похорон череп вместе с челюстью и первым шейным позвонком вешали около могилы. Иногда к ним присоединяли по одной кости от различных частей тела, связывая их вместе пестрой веревкой [Попов, 1949, с. 306–307].

В начале XX в. около г. Якутска А.П. Курочкин сфотографировал христианские погребения якутов. В одном снимке видно: на западной стороне от оград растет

большая лиственница, на которой висят черепа и копыта двух коней [Визуальное наследие народов Якутии..., 2011, с. 88]. Если предположить, что могилы ориентированы на северо-восток, то черепа коней должны смотреть на юго-восток. На фотографии виден балаган, стоящий задней стенкой к кладбищу. Обычно вход в юрту бывает с восточной стороны. Предпочтение солнечной стороны для хранения черепов неслучайно. По материалам Я.И. Линденау, на юго-востоке неба обитает творец конного скота Дьёсюгей.

22 апреля 2009 г. мы на «Буране» посетили кладбище с. Алеко-Кюёл и на северной окраине кладбища насчитали 48–49 лиственниц, на которых висели черепа и копыта сопроводительных коней (рис. 1). Кладбище существует со времен основания села в 1950-х гг., с тех пор на опушке леса накопилось более ста голов лошадей. На старых деревьях висят до десятка черепов, что связано с природными особенностями лесо-тундры. Все черепа ранее были направлены на восток, но ветер раскачивает деревья и со временем изменяет ориентировку. На некоторых местах сохранились остатки конских шкур и хвостов. Под деревьями лежат тазы, ведра и ванны, исполь-

Рис. 1. Останки сопроводительных коней на окраине кладбища с. Алеко-Кюёл, Среднеколымского улуса. Апрель 2009 г. Фото автора

зованные при похоронах. Вся панорама леса оставляет жутковатое впечатление.

Как рассказывают А.С. Слепцов (1963 г. р.) и Д.И. Винокуров (1948–2010 гг.), коня они забивают сразу или на второй день после смерти человека, но обязательно утром или до обеда. Перед закланием на коня надевают узду и седло, как будто готовят на дорогу, и ставят лицом к восходу солнца. После убиения седло и уздечки снимают. Покойник верхом на коне отправляется на восток, в страну богов айбы. Подбирают коней смиренных, холощенных, привычных к седлу, но полудиких и кобыл не берут. Конем наделяют и старых, и молодых. Еще в 1980-е гг. были живы старики, которые на похоронах забивали лошадь старинным способом: приставляли нож к шее под затылком и одним ударом другой руки вгоняли нож до основания клинка. Некоторые удалцы совершали это, сидя верхом на жертве. Для этого существовали специальные ножи с узким лезвием. При отрезании головы на основании черепа оставляют первый позвонок *хайылык*. Эвены (омуки), в отличие от саха, оленя убивали ударом заостренного кола в сердце. Голову и четыре копыта коня, отрезанные по коленным суставам, помещают в большой таз и ставят у ног покойника. Мясом угощают всех собравшихся во время приготовления ямы и заканчивают без остатка до конца поминок. При выносе тела покойника из дома голову и копыта лошади заворачивают в шкуру и несут вместе с памятником позади гроба.

Во время репрессий эта традиция временно угасла. Об этом вспоминает А.К. Слепцова (1934 г. р.): в детстве ее родители голову и копыта коня утопили в воде. Она сама повесила перед дверью дома кость атланта *хайылык* и объясняет, что этот оберег с очертаниями «лица человека» отпугивает злых духов. М.В. Винокурова (1934 г. р.) сообщает, что в гробу оставляют чашки, ложки, мыло, полотенце и т. д. Под спиной усопшего кладут коврик из меха лисицы или песка. Покойника и его коня обращают лицом к востоку, чтобы их души вернулись к светлым божествам.

По словам В.С. Бубякина (1929 г. р.) и Е.Н. Бубякиной (1938 г. р.), души умерших

детей превращаются в птичек, поэтому на их памятниках ставят изображения птиц. Родители считают, что душа ребенка *юёр* перерождается снова. В раннем детстве они рассказывают о прошлой жизни. Их нельзя перебивать, иначе они забудут об этом навсегда. В прошлом году скончался мальчик, который только что закончил школу. Перед смертью он спросил у мамы: «Смогу ли я вернуться обратно, превратившись в птицу?»

Черепя коней висят даже на окраине с. Алеко-Кюёл. На обратном пути мы посетили кладбище г. Среднеколымска и там нашли четыре черепа коней. Оленьих рогов не оказалось, хотя они раньше, якобы, висели. Около могилы уроженца с. Алеко-Кюёл Н.С. Кокорина (1916–2009 гг.), на юго-восточной стороне ограды, на дереве висят голова, копыта и хвост коня. Внутри другой старой ограды, с восточной стороны креста, стоит коновязь с фигурными шейками. О причине исчезновения обычая в городских условиях говорят два факта: на одном дереве сохранились лишь два обруча из проволоки, откуда исчезли голова и копыта коня, а на другом дереве повешены две материи *салама* – заменители останков коня. На столбике могилки маленького ребенка вместо деревянной птички привязали куклу и погремушки [ПМА, 2009].

Информацию о ритуальном коврике из меха можно дополнить фактом из похорон в г. Вилуйске старшей сестры моего отца А.В. Павловой (1915 г. р.). Одна из землячек рассказала, что она под тазом покойной и по углам гроба положила кусочки шкуры соболя, чтобы на том свете ей было мягко спать. Эта традиция, бесспорно, имеет дохристианские корни.

Среднеколымские материалы получили продолжение в верхоянских сведениях автора. В июне 2011 г. в окрестностях с. Дулгалаах при помощи проводника Е.И. Сыромятникова (1961 г. р.) мы нашли четыре жертвенных дерева *кэрэх*. Они стоят в местностях: От Оголоох, Ойуун Тьюэтэ, Байаарым Хадытата, Дьарах Кюёлэ. Первые два *кэрэха* имели черепа лошадей, которые смотрели на восток. У первого сохранилась стрелка *кучай* длиной около двух метров, на середине которой был

насажен череп, а вторая перекладыны не имеет. У третьего дерева черепа не было, но *куочай* указывал острым концом на восток и вниз. В передней части перекладыны видно второе отверстие, куда втыкался отломанный сук, поэтому *куочай* накрепился вперед. У четвертого *кэрэха* выпали и череп, и перекладына, но вертикально обтесанный обрубок сука в середине развилины лиственницы подсказывает, что стрелка указывала на восток. Пятый череп, насаженный на пень лицом на восток, находится близко от первого *кэрэха*. Возможно, он являлся остатком свалившегося жертвенного дерева. В с. Дулгалаах живет уроженец Себян Кюёля Саккырырского района В.С. Кривошапкина (эвен, 1935 г. р.). Он рассказал, как раньше эвены хоронили шаманов в густых зарослях мыса у развилки двух речек [ПМА, 2011 а].

Интересно то, что схожий обычай соблюдали и саха. Могила шамана, стоящая в «промежности» двух рек, как бы находится в утробе духа-хозяйки земли и напоминает жертву *кэрэх* с символикой рыбы. Здесь ярко прослеживается почитание женского начала. В связи с этим приведем сообщение: «Шаманка всегда сильнее шамана, в борьбе она неуязвима, так как свою воздушную душу прячет в vulva» [Попов, 2006, с.43]. Небезынтересно то, что все деревья *кэрэх* около Дулгалааха стоят на опушках леса, с солнечной стороны у водоемов. В таких местах удобно проводить праздники *ыһах*.

22 июня мы съездили к горе Ураакы Тааһа. По легенде, на восточном склоне скалы с девятью каменными сиденьями *олбох* камлали девять шаманов по случаю страшной эпидемии. Подниматься на священную гору нельзя. Человек, нарушивший табу, может там ослепнуть или заблудиться. Вместе с директором Дома культуры с. Суордаах Д.Е. Васильевым (1960 г. р.) под этой горой, в мысу покоса Сура Хадыһа мы обнаружили жертвы *кэрэх*. На высоком обгорелом пне был насажен череп лошади по направлению на юго-восток, а в нескольких метрах к югу от него на развилке лиственницы висит второй череп без стрелки, смотрящий на северо-восток.

В Суордаахе мы встретили старожила Д.Д. Васильева (1932 г. р.), который дополнил информацию В.С. Кривошапкина: голову убитого медведя эвенские охотники устанавливали между двумя обрубленными ветвями развилчатого дерева и крепили с помощью поперечных прутьев из тальника, направив на восток. Подобных деревьев особенно много было на земле эвенов. Перед моим вылетом директор школьного музея М.А. Васильева (1944 г. р.) рассказала: раньше, в 70-е годы, у могилы вешали постель покойника, а нынче сжигают. Около могилы вешают голову и «когти» (*тынырах*) коня, на котором ездил покойник. Так, в Суордаахе похоронили с конями табунщика Н.Г. Слепцова и охотника С.Ф. Чукрова. На похоронах корову не режут, т. к. она упрямая, и душа покойника стоит на одном месте. В советское время в г. Верхоянске умерла одна старуха, а ночью в ее яму провалилась молодая корова. Родственники решили, что она пожелала забрать корову. Позже покойная приснилась им и передала, что из-за этой коровы она не может дойти до того света.

Вечером 23 июня, при участии молодых супругов В.П. Слепцова и Т.Д. Гороховой, мы обошли кладбище с. Хайыһардаах. Перед этим посетили на краю села пустой дом И.А. Аммосова, прозванного «хозяйном Киһилээха». Около его двора растет дерево, на развилке которого покойный хранил тушки соболей. Там же висели остатки черепа коня и крупного зверя, а рядом прибита антропоморфная палочка с «платком» на голове. По следам дробинки на дереве видно, что по ним стреляли. На опушке леса мы обнаружили до 14 черепов коней. На некоторых местах они завязаны в узелки из собственной шкуры коня. Рядом висят постели и мешки с одеждой. Почти все черепа ориентированы на восток – в сторону священных гор; только один смотрел на юг. Проводники пояснили, что в наслеге Элгэс так хоронят стариков (рис. 2). На краю кладбища мы наткнулись на сверток из шкуры рыжей коровы, висевший на тонком деревце.

По словам А.И. Ефимова (1932 г. р.), старики путем разрыва аорты убивают коня, на котором ездил покойник. Кости, го-

лову и шкуру вешают на ветках дерева. Череп не всегда направляют на восток. Коней забивают зимой или весной, а летом мясо достают из подвала. Жертвы *кэрэх* направлены на восток, ведь лошади – создания божеств *айыы*. Такие *кэрэхи* стояли в участке Чёрюмчэ, что в 50 км к северу от Элгеса.

Эти данные подтверждает старожил Д.Д. Гатилов (1925 г. р.). Сына его – А.П. Климовского похоронили, повесив «мозг» (*мэйиш*) и четыре копыта коня на развилчатом дереве. Когда сын лежал в гробу, конь забрел во двор, и его забили в полдень. Мясо должны съесть и раздать до конца траура. Потом, говорят, во сне видели его, сидящим на коне. Снабжают конем, чтобы он верхом поехал на восток. Хотя о загробной жизни нет рассказов, исстари вещи покойника вешают у могилы. Корову раньше не забивали на мясо. Говорят, рогатый скот упрямится и не идет. Но когда умерла первая жена Дмитрия, для нее зарезали корову. Корове также разрывают аорту, голову отделяют по кости *хайылык*. Поминальный конь не имеет названия, и слово «*хоолдуга*» не употребляется. Мясо

замораживают на улице. Голову коня едят, не ломая костей и не отделяя нижнюю челюсть, а череп вешают.

Нынче не знают обычая поедания коня на кладбище, а в старину тризну устраивали у могилы. На месте погребения шаманы совершали заклинание *алгыс* и вешали *кэрэх*. Его не трогали, считая это за большой грех. В древнем *ыһыахе* приносили жертву *кэрэх*. Видимо, после праздника шкуру коня вешали на дерево. Их видели на опушках леса. В здешних местах они не сохранились. За рекой стоял один *кэрэх*, но его в 1995 г. срубил один человек. Вскоре он скончался, сожалея о содеянном грехе. Иван Аммосов умер, когда ему было 81 год. Он мог стать сильным шаманом. Всегда говорил, что поднимается в горы и оберегает своих людей. Перед смертью он завещал, что далеко не уедет, а будет кружиться здесь в виде коршуна [ПМА, 2011 а].

В октябре 2011 г. мы дважды посетили Мегино-Кангаласский улус и добыли новые факты. На кладбище участка Хаххактаах с. Павловск погребен ветеран войны А.Н. Петров (1910–1980 гг.). На тени трех ста-

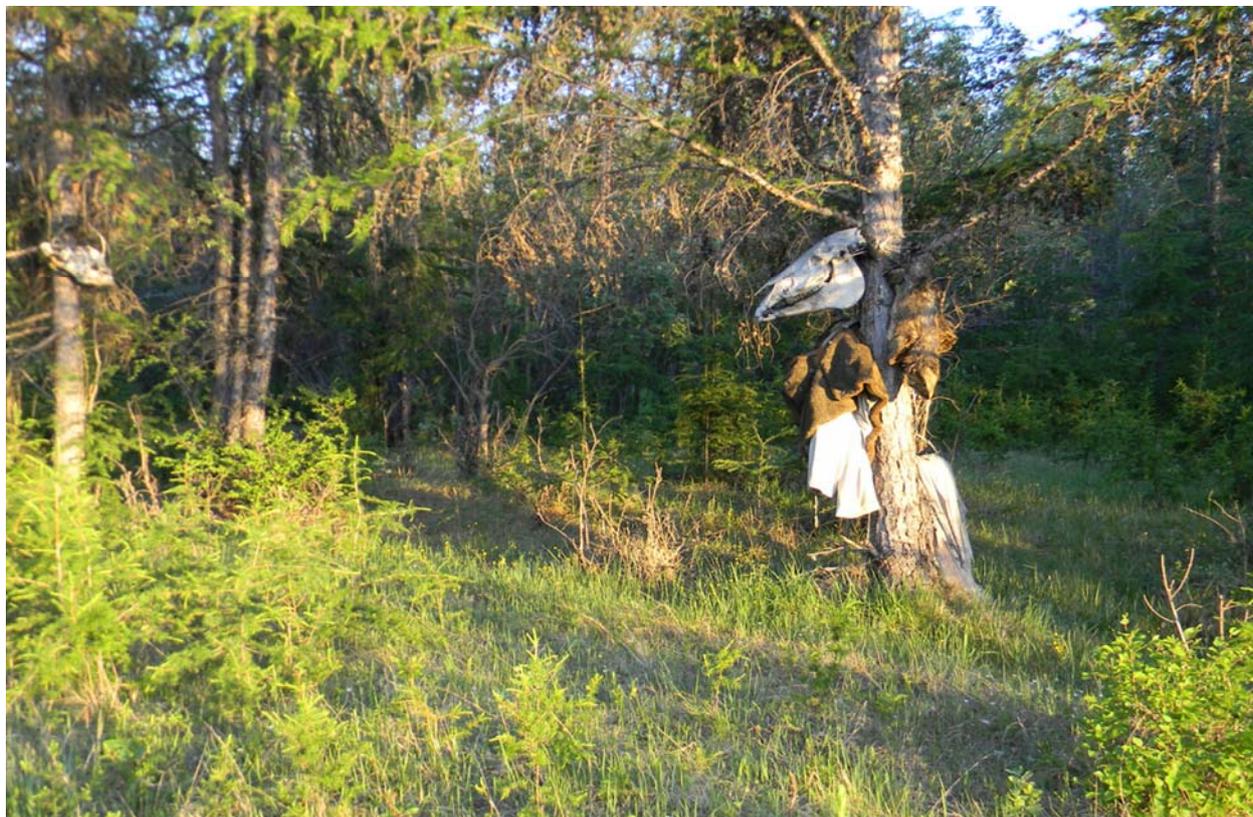

Рис. 2. Окраина кладбища в наслеге Элгэс Верхоянского улуса. Рядом с черепами и копытами жертвенных коней на деревьях висят личные вещи покойных. Июнь 2011 г. Фото автора

рых сосен находится могила, ориентированная в сторону летнего восхода солнца, а с западной стороны ограды на дереве повешены голова, четыре копыта и хвост коня. На восточной стороне от сосны установлен маленький столбик *сэргэ* с простой шейкой (рис. 3). По информации Д.С. Тимофеева (1942 г. р.), участник войны был награждён орденом Славы, потерял одну ногу и сам смастерил протез, который раньше также висел на ветви. За заслуги перед родиной земляки похоронили старика с почестями и забили старого коня, на котором он 20 лет работал в совхозе. Таким образом, снабдили его «ногой». При забое лошадей они их обычно оглушают, а затем распарывают грудь и разрывают аорту.

По информации А.Н. Ильина, мы съездили в с. Хорообут, где посетили могилы Н.П. Тастыгина (1930–2001 гг.) и И.Г. Тимофеева (1932–2006 гг.), находящиеся в участке Харба Атах. На северной стороне мыса Кыллаах, на двух высоких листвен-

ницах висят головы и копыта коней. На голове белого коня И.Г. Тимофеева остался недоуздок *сулар*, которым обвязали голову вокруг дерева, снизу висят копыта, а сзади – хвост. Сбоку смотрится, как будто лошадь идет на восток. У первой могилы хвост коня отсутствует, а голова также ориентирована на восход. Раньше эта земля принадлежала наслегу Чалгаа Мегинского улуса, а позже – колхозу им. К. Маркса.

По словам вдовы А.П. Тастыгиной (1930 г. р.), ее муж перед смертью привел своего пегого коня с чулками на ногах и все лето кормил его в загоне. Он говорил, что заберет его с собой в качестве *хоолдуга*, чтобы на том свете не ходить пешком. Гроб понесли на плечах восемь его сыновей. На старом дереве они повесили голову и копыта, а снизу ствол обернули шкурой коня. Позже на том же дереве парни повесили голову убитого медведя, но из-за возмущения стариков вынуждены были снять, исполнив обряд *алгыс*. Дочь старика

Рис. 3. Могила ветерана войны А.Н. Петрова (1910–1980 гг.) с ритуальной коновязью и сосной, где висят останки ездового коня. Кладбище участка Хаххатаах, с. Павловск Мегинско-Кангаласского улуса. Июнь 2013 г. Фото автора

Л.Н.Тастыгина (1956 г. р.) рассказала, что на старом кладбище покоится М.А. Егоров (1922–1994 гг.), около его могилы также повесили кости коня. После смерти этого старика, якобы, отцу приснился сон: покойник явился к нему и пожаловался, что он замучился ходить пешком. После этого родственники зарезали коня. Однако сын покойного С.М. Егоров (1946 г. р.) говорит, что саврасого коня с чулками на ногах убили по завещанию отца. Они сначала оглушили коня, перерезали горло, а голову повесили на дереве лицом на юг. Мясо коня съели до поминок 40-го дня. Других сведений он не смог передать, ибо древние обычаи давно забыты и обряд совершали наугад [ПМА, 2011 б].

Тем не менее, в этих полевых материалах удивляет устойчивость традиций: ориентация головы коня на восток или юг, сохранение на морде коня недоуздка в качестве памяти об уздечке, посылаемой в могилу, установка коновязи с восточной стороны креста или дерева, принесение в жертву пегих коней с белыми чулками на ногах, убиение способом разрывания сердечной аорты, воспоминание о востоке как о стране светлых богов. Но есть и локальные различия: мегинцы и колымские кангаласцы голову и копыта коней вешают целиком, а жители верхоянцы мясо срезают и варят, а у могилы вешают лишь голый череп и очищенные кости голеней, ориентировав их на восток. Такой же обычай закладывания черепа коня на могиле, по словам археолога З.С. Самашева, существует у восточных казахов. Хотя там нет строгого направления, по обычаю, конский череп могут ориентировать на Мекку. Мегинцы, в отличие от верхоянцев, вещи мертвеца не вешают около могилы, а сжигают, в чем можно увидеть пережиток обычая кремации.

Берельские курганы у подножья Алтая идентичны с курганами пазырыкской культуры. В них «конский отсек» находится с северной стороны сруба, ближе к северной стенке погребальной камеры [Самашев, 2011]. Эта черта наблюдается и в курганах плоскогорья Укок, в которых кони головами направлены на восток [Феномен алтайских мумий, 2000, с. 58–61]. В этой связи

вспомним, что могилы саха обычно расположены на южном склоне террасы, и деревья с конскими головами с восточной стороны также стоят на северной окраине кладбищ.

Интересно отметить, что все черепа коней, укрепленные на развилчатых деревьях, ориентированы на восток. Последние жертвоприношения коней, принесенные на рубеже XIX–XX вв., настолько упростились, что у них исчезли длинные указательные стрелки. Эти материалы саха дают основание предположить, что жертвы *кэрэх* некогда были связаны с культом умирающего и воскресающего зверя, а позже и с праздником *ыһыах*. Принося кровавую жертву божествам, богатые коневоды дарили им самое дорогое, что у них было, и взамен просили покровительства и богатства.

Кэрэх – высший знак уважения, почитания творцов во время праздника *ыһыах*, а не бессмысленное истребление скота. Вспомним Я.И. Линденау, который среди всех обрядов жертву *кэрэх* ставил на первое место. И не случайно: *ыһыах* был тесно связан с культом предков, духи которых не могли обходиться без традиционной пищи. Возможно, поэтому существуют слова *кэрэгэй* «недостающий», *кэрэхсиэ* «уважать, почитать». Жертва *кэрэх* должна была восполнить место между божествами и людьми, выступая в роли духа-посредника. В Вилюйском округе *кэрэх* представлял подмости на трех срубленных деревьях, на которые складывали или вешали жертвенные дары духу леса [Пекарский, 1959, т. I, стб. 1045–1046]. Интересно то, что праздничный алтарь *аар багах*, где вешали кожаные сосуды с кумысом, тоже состоял из трех столбов. Как мы говорили выше, «глубокий круг» *тюһюлгэ* ассоциируется с могилкой первопредка по материнской линии.

Поднятие костей священных животных и вождей сопровождалось камланием шаманов. Обычай хранения останков медведя, соболя и других зверей на развилках деревьев архаичнее обычая установки черепа лошади. На ветвях развилчатого дерева саха издревле устанавливали гробы детей и шаманов, души которых превращались в птиц. Это дает нам основание допускать,

что на дереве охотники хоронили с почестями женщин-шаманок, как людей, наиболее близких к духам природы. Именно поэтому саха называли гроб-колоду «мать-дерево», а духа земли помещали внутри Мирового древа. Логично допускать, что в родовом дереве раньше обитали материнские души древних шаманок до их вознесения на небеса.

Сопоставляя обычай медвежьего праздника с жертвоприношением коней *кэрэх*, мы отмечаем явные признаки сходства: ориентировку на утренний восход солнца, установку черепов на развилке дерева с обрубленными ветвями, почитание «бабушки» водоёма с двумя разветвлениями. Ритуальная стрелка в виде «рыбы» символизирует душу тотема, уходящую в лоно богини земли. При этом фигура рыбы ассоциируется и с фаллосом. Обратным

символом из этого ряда является ритуальный кубок *ымыйа*, из которой улетали ввысь «лошадки» с головами, посаженными наоборот. Именно этот кубок с кумысом служил предсмертной чашей первопредка Омогая. В свете этого следует признать, что древнейшие истоки погребения с конем могут восходить к исконно сибирскому культу умирающего и воскресающего зверя-тотема, который был заложен еще до появления коневодов века бронзы на востоке Евразии. Таким образом, народ саха органично вобрал в себя обычаи погребальной культуры таежных охотников и степных кочевников, сохранив их реликты на краю скотоводческой ойкумены до наших дней.

Статья поступила 03.03. 2014 г.

Библиографический список

1. Боло С.И. Записи по верованиям якутов бывшего Колымского улуса. 1940 г. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 438. 37 л.
2. Васильев В.Е. Колымские шайтаны: легенды и реальность // Наука из первых рук: научно-популярный журнал. 2010. № 5 (35). С. 106–111.
3. Визуальное наследие народов Якутии: фотографический мир А.П. Курочкина (конец XIX – начало XX века) : каталог / ЯГОМИиК НС им. Ем. Ярославского; (сост.: Д.П. Попова, Т.Г. Старостина). Якутск : Медиа-холдинг «Якутия», 2011. 128 с.
4. Геродот. История / пер. с греч. и комм. Г.А. Стратановского; вступ. статья И.Е. Сурикова. М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. 640 с.
5. Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
6. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Кн. изд-во, 1983. 176 с.
7. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка : В 3-х т. 2-е изд. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 3858 стб.
8. Полевые материалы автора, 2005. Мероприятия, посвящ. 100-летию этнографа и фольклориста С.И. Боло, с. Одьулун Чурапчинского улуса. Информатор: Неустров И.К., 79 л. Запись ученицы 8 кл. Парфеновой Айыны. Научный руководитель: Л.П. Саввина., директор школьного музея им. С.И. Боло. Запись была произведена по нашей просьбе.
9. Полевые материалы автора, 2009. Отчет о поездке в Среднеколымский улус для сбора сведений по этнографии. Информаторы: Д.И. Винокуров (1948–2010 гг.), А.С. Слепцов (1963 г. р.), А.К. Слепцова (1934 г. р.), В.С. Бубякин (1929 г. р.), Е.Н. Бубякина (1938 г. р.), М.В. Винокурова (1934 г. р.).
10. Полевые материалы автора, 2011 а. Отчет о командировке в Верхоянский улус для сбора сведений по шаманизму северных саха. Информаторы: Е.И. Сыромятников М.А. Васильева (1944 г. р.), Д.Д. Васильев (1932 г. р.), Д.Е. Васильев (1960 г. р.), А.И. Ефимов (1932 г. р.), Д.Д. Гатиллов (1925 г. р.) и др.
11. Полевые материалы автора, 2011 б. Записи сведений о погребениях с конем. Мегино-Кангаласский улус. Информаторы: Д.С. Тимофеев (1942 г. р.), А.Н. Ильин,

А.П. Тастыгина (1930 г. р.), С.М. Егоров (1946 г. р.), А.И. Тихонова (1954 г. р.).

12. Попов В.В., Бравина Р.И. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX вв.) / отв. ред. канд. ист. наук Е.С. Шишигин. Якутск : Бичик, 2009. 32 с.

13. Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // СМАЭ. Т. XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 255–323.

14. Попов А.А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа (Тексты) / Сост.: Р.И. Бравина. Новосибирск : Наука, 2006. 464 с.

15. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост.: Н.А. Алексеев [и др.]. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. 400 с.

16. Саввин А.А. Материалы по верованию якутов. 1938 г. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Оп. 102. Л. 61.

17. Саввин А.А. Верования якутов. 1937–1941 гг. Там же. Ф. 4, Оп. 12, Д. 70. 347 л.

18. Самашев З.С. Казахский Алтай в контексте этносоциокультурных процессов в Центральной Азии во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Берельских курганов) // Языки и фольклор народов Сибири : Электронный научный журнал. 2011. № 2. в сайте www.sibir.ru.

19. Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. М. : Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1985. 608 с.

20. Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева [и др.]. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.

Сведения об авторах

Васильев Валерий Егорович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, tel.: 8(4112) 36-46-58, e-mail: valera305@mail.ru

Vasil'ev Valeriy Egorovich, PhD, leading researcher, Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North SO RAN, Yakutsk, Russia, tel.: 8(4112) 36-46-58, e-mail: valera305@mail.ru